

«УТВЕРЖДАЮ»

**Проректор по научной работе
Федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский
государственный университет»**

С. В. Микушев

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» на диссертацию Сараева Андрея Сергеевича «Научное наследие Л.Н. Гумилева и его оценки в трудах отечественных исследователей», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Лев Гумилев – наш универсальнт. Большая часть его учебной, научной и педагогической деятельности связана с Ленинградским университетом. Все три свои диссертации, две исторических и географическую, он защитил здесь же. Добрая традиция чтить память выдающихся выпускников и сотрудников – отличительная черта нашего университета во все эпохи. Галерея лиц исторического факультета – Института истории СПбГУ за последние два века это и есть в значительной степени история отечественной исторической

науки. Лев Николаевич Гумилев занимает в ней далеко не последнее место, а потому нуждается в качественном осмыслении высказанных концепций и идей с позиций современной науки.

Актуальность темы выполненной работы объясняется тем фактом, что, несмотря на то, что Л.Н. Гумилев не обделен вниманием как в специальной, так и в популярной литературе, примеры подлинно историографической разработки его наследия до сих пор единичны и явно недостаточны, по той причине, что они опираются на весьма скудную источниковую базу. Из-за этого объективное знание о трудах и идеях Л.Н. Гумилева нередко затемняется ошибочными представлениями. Настоящая диссертация восполняет этот пробел.

Новизна исследования и полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, заключается, на наш взгляд, в реконструкции ранних идей Л.Н. Гумилева, которые по ряду причин прозвучали лишь спустя несколько десятилетий и были ошибочно восприняты научным сообществом как его поздние наработки. Таким образом, оказалась восстановлена логическая связь между трудами ученого до лагерного периода его жизни и после. В частности, диссертанту удалось показать, что основные элементы теории пассионарности возникли гораздо раньше, чем принято считать. Кроме того, опираясь на весомую источниковую базу и привлекая маргиналии и дарственные надписи, автор сумел прояснить целый ряд спорных моментов из научной биографии ученого. Всё это позволяет по-новому оценивать творческое наследие Л.Н. Гумилева.

Значимость полученных диссертантом результатов для науки и практики заключается в том, что они вносят заметный вклад в разработку проблем истории отечественной науки на примере одного из весьма ярких и противоречивых ее представителей – Л.Н. Гумилева. Собранные, проанализированные и систематизированные автором сведения могут быть

востребованы в дальнейшей разработке биографии Л.Н. Гумилева, а также в изучении отечественной гуманитарной науки XX в., в целом.

Конкретные рекомендации по использованию результатов и выводов диссертационной работы. Материал диссертации может быть востребован в построении университетских курсов по историографии и этнологии и может послужить базой для дальнейших монографических и диссертационных исследований.

Рассмотрим содержание диссертации более подробно.

Материал диссертации выстраивается по различным тематическим группам и уровням. В тексте заметно присутствие нескольких самостоятельных исследований, иногда представленных в практически цельном виде, иногда рассредоточенных по нескольким параграфам. На наш взгляд, было бы уместным взамен стандартного обзора глав и параграфов дать характеристику поднятым в диссертации темам, в том числе и потому, что границы параграфов в рассматриваемой работе весьма условны.

Наиболее масштабная тема, которой уделяется внимание в каждом параграфе, – взаимоотношения Л.Н. Гумилева с коллегами, учителями, оппонентами, положение его в научном сообществе. Косвенно тема отражена и в заголовке диссертации. Безусловно, в реальной жизни Л.Н. Гумилев ежедневно виделся и общался со многими своими оппонентами. Повседневность не могла не влиять на то, что потом попадало на страницы полемических статей и рецензий. Она могла даже определять появление дискуссий. На самом деле, Л.Н. Гумилев не был изолированным от научного и педагогического сообщества «чужаком-одиночкой», к какому мнению можно прийти, ограничившись лишь прочтением критики. На каждом этапе своей научной жизни он был включен в определенную научную корпорацию, будь то университет, научный институт или музей, и в своих публикациях выступал не только от своего, но и от ведомственного имени.

Автор диссертации проделал серьезную работу по обобщению разнородных материалов из мемуарной и мемориальной литературы, из

публикаций документов и переписки, даже из дарственных надписей на книгах, и извлек оттуда сведения о Л.Н. Гумилеве и его окружении в разные периоды его научной деятельности. Перед читателем на протяжении всей диссертации предстают как широко известные имена учителей и старших коллег Л.Н. Гумилева, мэтров исторической науки, имена не менее знаменитых его коллег-современников, но также и имена ученых-практиков (востоковедов, археологов, этнографов, историков и филологов), зачастую известные лишь довольно узкому кругу специалистов.

В этих взаимоотношениях, по мнению автора, было два узловых момента: 1) конфликт середины 1930-х – середины 1950-х гг. между Л.Н. Гумилевым и А.Н. Бернштамом (с. 57–63); 2) конфликт между представителями старшего поколения – М.И. Артамоновым и И.А. Орбели (с. 173–175). Два названных узла противоречий слились во время дискуссии по поводу выхода монографии Л.Н. Гумилева «Хунну», изданной под грифом Института Востоковедения АН СССР и сразу раскритикованной его же сотрудниками. Ответственным редактором книги выступил М.И. Артамонов, на тот момент директор Эрмитажа. Директором Ленинградского отделения Института Востоковедения был И.А. Орбели. Налицо действительно межведомственное противостояние, отнюдь не редкое в научном мире. На этом конкретном примере диссертант вскрыл механизм возникновения подобных конфликтов и показал масштабы их воздействия на биографию их участников и на отрасль исторической науки в целом.

Вторая тема, также обозначенная в заголовке, – критика. Автор отнесся к этой теме с особой чувствительностью и не скупится на подробности дискуссий, сопровождавших выход каждой книги Л.Н. Гумилева, а иногда и статей. Несмотря на некоторую избыточность цитирований, данный подход объясним стремлением представить наиболее объективно аргументы сторон в спорах. Как известно, давняя и извечная беда дискуссий – выборочное, сокращенное цитирование с неизбежным искажением первоначального смысла. В результате, оппоненты вменяют друг другу взгляды, которые ни

та, ни другая сторона никогда не высказывала. Многочисленные дискуссии с Л.Н. Гумилевым при жизни, а в не меньшей степени и посмертная полемика с его трудами, демонстрируют всю палитру приемов научных дискуссий. В диссертации приводится удачное высказывание директора Эрмитажа М.Б. Пиотровского, согласно которому «у Льва Николаевича оппонентов в постсоветское время было не меньше, чем в советское. Его научная биография не делится на период советского запрета и постсоветской свободы» (с. 8).

Третья тема – собственный вклад Л.Н. Гумилева в науку. Принципиальная новизна подхода автора заключается в попытке реконструировать происхождение важнейших идей, благодаря которым нам только и интересен теперь Л.Н. Гумилев. Главным образом, это, конечно, «пассионарность» и «этногенез». История возникновения данных концептов прослежена автором по рукописям и лагерной переписке Л.Н. Гумилева, что отодвигает в прошлое на несколько десятилетий принятые ранее даты оформления соответствующих взглядов ученого.

Вторым важнейшим достижением Л.Н. Гумилева, отмеченным в диссертации, является разработка теории кочевничества и постановка проблем влияния климата на кочевников и на историю человеческих обществ в целом. Многие из того, что писал на эти темы в 1960-е гг. Л.Н. Гумилев, уже давно стало общим местом в науке. Заслуга автора диссертации состоит в акцентировании внимания на том, что у истоков этих «общих мест» стоял не в последнюю очередь именно Л.Н. Гумилев.

Третьим принципиальным вкладом Л.Н. Гумилева в гуманитарные науки диссертант считает разработку проблем методологии исторического исследования. Этой теме посвящен не только специальный параграф, но она так или иначе рассматривается во всех других частях работы и в одном из приложений. Автор пытается найти корни непонимания коллегами методологических наработок и подходов Л.Н. Гумилева. Наверное, стоит согласиться с диссертантом, что главным настораживающим моментом была

принципиально немарксистская заостренность формулировок. В 1960–1970-е гг. такая смелость эпистемологических взглядов не могла не вызвать неприятия коллег.

В диссертации нашла отражение и музейная деятельность Л.Н. Гумилева. В разные годы он был сотрудником Русского музея и Эрмитажа, подрабатывал и в Кунсткамере. Атрибуция предметов восточного искусства необычайно сложна и постоянно вызывает острые споры среди специалистов. Не погружаясь в них всецело, автор все же показал, что смог сделать положительного Л.Н. Гумилев в изучении искусства и культуры кочевых и оседлых народов Востока, в некотором смысле ступая по следам своего отца, Н.С. Гумилева, заложившего основу африканской коллекции Кунсткамеры.

Рассматриваемая диссертация представляет важный, необходимый для историографии, актуальный срез изучения и критики научного наследия одного из крупнейших отечественных историков XX века – Л.Н. Гумилева. Как и любая историографическая работа, она подводит определенные итоги и дает перспективу для дальнейших исследований с ясным пониманием того, что никакая историческая проблема не может быть закрыта раз и навсегда. По крайней мере, с такой подробностью и детализацией к изучению собственных трудов Л.Н. Гумилева и их рукописных источников, всего объема накопившейся критики наследия ученого еще никто не подходил. Одна только библиография с более чем семью сотнями наименований может стать ценным подспорьем для всех начинающих изучение биографии и трудов Л.Н. Гумилева.

Вместе с тем, к диссертации имеется несколько **замечаний**.

1. Автор свел огромное число мнений и высказываний и постарался придать их собранию связный вид, поделив некоторые параграфы на подразделы с собственными заглавиями. Тем не менее, потеряться в россыпи имен и подсюжетов по-прежнему очень легко. Может быть, ему стоило либо сократить число привлекаемых по каждой

рассматриваемой теме примеров, либо сделать еще более дробными параграфы.

2. При всей кажущейся полноте представленных дискуссий в диссертации практически не нашли отражения споры о «монголо-татарском иге», в которых Л.Н. Гумилев занимал широко известную и не менее широко оспариваемую позицию. Хотя более общая, но не менее полемическая проблема контактов Древней Руси и кочевников молчанием в диссертации не обойдена, она также сведена лишь к двум аспектам – взаимоотношениям Руси и Хазарии и к влиянию концепций евразийцев на Л.Н. Гумилева.
3. При всей важности проработки материала личного архива Л.Н. Гумилева, привлечения одного только фонда его музея-квартиры на Коломенской улице явно недостаточно. В Санкт-Петербурге имеются и другие учреждения, где могли отложиться документы, связанные с научной деятельностью Л.Н. Гумилева. Это и названные выше музеи, но в первую очередь это Ленинградский государственный университет, ныне СПбГУ, с которым Л.Н. Гумилева связывают десятилетия жизни, и архивные материалы университета должны быть признаны, по меньшей мере, вторыми по важности наряду с собственным архивом ученого.

Несмотря на сделанные замечания, на основании вышеизложенного мы приходим к заключению, что диссертационное исследование Сараева Андрея Сергеевича «Научное наследие Л.Н. Гумилева и его оценки в трудах отечественных исследователей» на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования является законченной научно-квалификационной работой, в которой содержится новое решение научной задачи, имеющей важное значение для понимания историографической ситуации в отечественной науке середины – второй половины XX века. Работа соответствует требованиям п. 9-11 «Положения о

